

Л. А. Сугако

*Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова
(г. Могилёв, Республика Беларусь)*

**ПОЛОЖЕНИЕ В ПРИФРОНТОВОЙ ЗОНЕ
ОСВОБОЖДЁННЫХ РАЙОНОВ БССР НАКАНУНЕ ОПЕРАЦИИ
«БАГРАТИОН»: НЕКОТОРЫЕ ВОЕННЫЕ, ГУМАНИТАРНЫЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Победа Красной Армии летом 1943 г. в Курской битве предопределила выход её соединений к границам Украины и Беларуси. Проведя на белорусской земле с сентября 1943 г. по февраль 1944 г. ряд не всегда успешных наступательных операций, советские войска всё-таки продвинулись на запад, освободив от нацистов два областных центра республики – Гомель и Мозырь, 36 районных центров и сотни других населённых пунктов Гомельской, Полесской, Могилёвской и Витебской областей, что составляло примерно пятую часть территории БССР [1, 136]. Сотни тысяч людей избавились от ужасов оккупации.

Весной 1944 г. на белорусском участке советско-германского фронта установилось относительное затишье. В апреле в Генштабе РККА началась разработка намеченной на лето 1944 г. операции по полному освобождению Беларуси, получившей кодовое название «Багратион». Отметим, что такие аспекты, как цели и замысел операции «Багратион», расчёт и сосредоточение необходимых для её проведения сил и средств, меры по обеспечению скрытности и введению противника в заблуждение, характеристика вражеской обороны в Беларуси и др., нашли широкое отражение в многочисленных публикациях. Вместе с тем не стали предметом развёрнутых исследований некоторые важные факторы военного, гуманитарного и экономического характера, влиявшие на положение в прифронтовой зоне накануне операции «Багратион».

Например, у нас нет полного и системного представления как о масштабах и направлениях деятельности германских разведслужб на освобождённой территории БССР, так и о работе соответствующих советских органов по её пресечению. Пока в нашем распоряжении имеются лишь фрагментарные сведения. Так, 28 января 1944 г. наряд 87-го пограничного полка войск НКВД по охране тыла Белорусского фронта в районе Пропойска (ныне Славгород Могилёвской области) задержал агентов-парашютистов германской разведки Пискунова Д. Е. (по документам офицер Красной Армии «Погодин») и Котова А. Г. (по документам офицер Красной Армии «Хохлов»), бывших советских военнослужащих. 26 января они были выброшены с парашютами вблизи Кричева с задачей разведать дислокацию штабов соединений советских войск в районах Кричев, Чери-

ков, Пропойск и установить интенсивность подхода резервов к фронту [2, 84–85]. 20 марта 1944 г. в районе дер. Милашенки (район Витебска) нарядом войск НКВД задержан вражеский агент Каплин Н. А. («Воробьев»), бывший военнослужащий Красной Армии. 19 марта он был выброшен с парашютом, имея задание разведать нумерацию, численность, вооружение советских частей в районе Романово (40 км севернее Витебска) [3, 13].

Не получили должного освещения в научной литературе и усилия на территории Беларуси советских военных властей и органов НКВД в борьбе с дезертирством, мародёрством, бандитизмом и другими преступными проявлениями со стороны нарушивших присягу военнослужащих, а также ставших на преступный путь гражданских лиц. Следует указать, что в 1943–1944 гг. прилегавшая к передовой полоса представляла, как правило, лишь недавно освобождённую и ещё слабо контролируруемую советскими властями территорию, наводнённую, по словам наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия, «разного рода подозрительным элементом», что создавало среду для упомянутых преступных явлений и препятствовало наведению твёрдого порядка. За январь–март 1944 г. в процессе «фильтрации» ближайшего тыла всех действовавших советских фронтов органами НКВД было задержано 8407 дезертиров и 59443 гражданских лица, в том числе: нарушителей прифронтового режима – 7946 человек, уклонившихся от призыва в Красную Армию – 10275 человек, бежавших с оборонных работ – 642 человека, не имевших документов – 27842 человека, иного подозрительного элемента – 12738 человек. Ликвидировано 65 бандитских групп, арестовано 548 бандитов [2, 289]. Понятно, что подобные факты фиксировались и в полосе фронтов, оперировавших на территории Беларуси. Эпидемии являются практически неизбежным следствием затяжных войн. В первые месяцы 1944 г. на территории Беларуси наблюдались массовые заболевания людей сыпным тифом [4, 47]. Возникла угроза распространения эпидемии в войсках, что и констатировал 1 марта 1944 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта: – «...санитарно-эпидемическое состояние населения является совершенно нетерпимым и грозит поголовной заболеваемостью сыпным тифом и заносом последнего в войска фронта» [5, 46]. В марте 1944 г. части 65-й армии 1-го Белорусского фронта севернее посёлка Озаричи (Полесская, ныне Гомельская область) вышли к трём концлагерям. Туда нацисты согнали несколько десятков тысяч человек из Беларуси и западных областей РСФСР. Люди ютились прямо на земле. Рассматривая лагеря как живой щит против советских войск на переднем крае обороны, оккупанты разместили среди узников тифозных больных, рассчитывая вызвать эпидемию в частях Красной Армии. Военный совет 65-й армии принял срочные меры по спасению 33 тыс. освобождённых граждан. Больных направили в 11 армейских госпиталей, оборудовались пункты приёма пищи, места ночлега, бани и дезкамеры [6, 29–30].

В течение февраля – июня 1944 г. на освобождённой от оккупантов территории Беларуси советским командованием при участии органов НКВД и местных властей проводилась целенаправленная эвакуация населения из прилегавшей к линии фронта 25-километровой зоны. Данная мера была обусловлена следующими, на наш взгляд, причинами.

Во-первых, следовало обеспечить безопасность гражданскому населению во время предстоявших вскоре активных боевых действий, тем более что основную его часть составляли пострадавшие в период оккупации дети, женщины, старики. К тому же в более удалённых от линии фронта освобождённых районах БССР уже разворачивались восстановительные работы, в которых могли быть задействованы трудоспособные лица из числа эвакуированных [1, 164; 6, 46–49].

Во-вторых, отсутствие в 25-километровой прифронтовой полосе местных жителей, под которых могли бы маскироваться агенты противника, ограничивало его возможности по ведению разведки в столь важной в оперативно-тактическом отношении зоне. Военный совет 1-го Белорусского фронта отмечал в апреле 1944 г., что отселение в тыл жителей прилегавшей к передовой зоны проводится «...в целях создания в ближайшей прифронтовой полосе необходимого режима для облегчения борьбы со шпионажем и диверсией противника...» [5, 57].

В-третьих, по мнению как военного командования, так и руководства НКВД, присутствие в прифронтовой зоне местного населения давало возможность «растворяться» в нём преступным и подозрительным элементам, что затрудняло их нейтрализацию [4, 47].

В-четвёртых, к принятию решения об эвакуации из прифронтовой зоны гражданского населения советское командование подталкивала тяжелейшая эпидемическая обстановка, сложившаяся в освобождённых районах Беларуси. Правда, вплоть до мая 1944 г. отселение не касалось людей, проживавших в населённых пунктах, находившихся на карантинном режиме [5, 11].

В процессе эвакуации в 1944 г. белорусского населения следует, на наш взгляд, выделить два этапа. На первом этапе (февраль–апрель 1944 г.) решения о перемещении в тыл гражданских лиц самостоятельно принимались командованием действовавших на территории республики фронтов и даже армий. В полосе 61-й армии 1-го Белорусского фронта к эвакуации приступили в конце февраля 1944 г. Очевидно, что акции придавалось важное значение, так как её проведение «...в своих оперативных границах» возлагалось на заместителей командиров корпусов и дивизий по тылу «...в порядке чрезвычайной ответственности». Последним вменялось в обязанность выделить уполномоченных офицеров, которым предписывалось связаться с представителями местных органов Советской власти (61-я армия дислоцировалась на западе Полесской области) и совместно установить пункты размещения эвакуируемого населения. Полесский облиспол-

ком должен был организовать размещение людей за пределами линии отселения, выделив для этой цели своих уполномоченных на «каждый отселяемый и вселяемый пункт». Частям погранвойск НКВД, находившимся в оперативном подчинении командованию 61-й армии и отвечавшим за безопасность её тылов, предписывалось «усиленно прочёсывать населённые пункты и лесные массивы в 25-километровой зоне с целью недопущения проживания там гражданского населения», а от заместителей командиров корпусов и дивизий по тылу требовалось «...организовать в своих оперативных границах заградслужбу и не допускать просачивания гражданского населения в свою полосу» [5, 11–12].

25 апреля 1944 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта обязал командование всех находившихся на переднем крае армий обеспечить отселение гражданских лиц из своих зон ответственности. Во исполнение решения командования фронта штаб 65-й армии уже на следующий день, 26 апреля, разработал детальный план эвакуации населения из своей оперативной полосы. Прежде всего, органы Советской власти, находившиеся в оперативных границах армии (ряд райисполкомов и сельсоветов северной части Полесской области), должны были предоставить нужную информацию по каждому населённому пункту, предназначенному к эвакуации – количество «...семей, душ, лошадей, имущества в килограммах». Для перевозки людей предписывалось использовать «порожний транспорт в попутном направлении», при его недостаточности – весь свободный автомобильный и гужевой транспорт соединений и частей. Отселяемым запрещалось вывозить громоздкие вещи (мебель, инвентарь и т. д.). Для «обеспечения работы по вывозу населения» Военный совет 65-й армии запросил у командования фронта «дополнительный лимит ГСМ в размере 50 т» [5, 57–59].

Учитывая широкое распространение сыпного тифа в районах эвакуации, планом предусматривались меры по недопущению массовой эпидемии в войсках. В частности, обращалось внимание на необходимость минимизировать контакты военнослужащих с эвакуируемым населением. Командиры частей должны были выделять в команды по отселению граждан «...только переболевших сыпным тифом или трёхкратно иммунизированных военнослужащих». Запрещались совместные поездки военных и гражданских лиц. В пути следования эвакуируемого населения не допускались остановки на ночлег в населённых пунктах, где размещались воинские части и учреждения [5, 58]. Предположим, что данные меры, кроме решения противоэпидемических задач, способствовали также сохранению военной тайны и предотвращали утечку важной информации.

Командирами соединений во все пункты, откуда производилась эвакуация, назначались коменданты из лиц офицерского и сержантского состава. Местным органам власти разрешалось оставлять в отселённых деревнях и сёлах по 2 сторожа из числа проверенных лиц для охраны

оставленного имущества и инвентаря. Весь личный состав воинских частей и подразделений предупреждался о «...недопустимости разрушения жилых домов и подсобных строений и расхищения оставленного населением имущества и ценностей», устанавливалась строгая ответственность виновных. Для проведения сельскохозяйственных работ – разрешалась посевная кампания – в районы отселения разрешался допуск колхозных бригад по спискам, представленными местными сельсоветами и райисполкомами и утверждёнными органами НКВД. Бригадам предписывалось «проживать в строго отведённых пунктах на казарменном положении» [5, 58–59]. В процессе эвакуации некоторым гражданам была оказана единовременная денежная помощь [90, 46–47].

4 мая 1944 г., в момент, когда армии 1-го Белорусского фронта уже приступили к эвакуации мирных граждан в своих зонах ответственности, в войска поступила директива Ставки ВГК № 202905, согласно которой 10 советских фронтов (Ленинградский, 1-й, 2-й, 3-й Прибалтийские, 1-й, 2-й, 3-й Белорусские, 1-й, 2-й, 3-й Украинские) должны были выселить всё гражданское население из 25-километровой прифронтовой зоны в срок с 12 по 25 мая текущего года [4, 47]. С этого времени представляется возможным, на наш взгляд, констатировать вступление во 2-й этап процесса эвакуации белорусского населения в 1944 г., когда решение о ней (не только в Беларуси) принималось на уровне высшего военного руководства СССР. Причём на отселение граждан отводились весьма жёсткие сроки и не допускалось каких-либо исключений [4, 47].

Для содействия военным органам в эвакуации и обустройстве людей на новых местах жительства в прифронтовых районах БССР создавались оперативные тройки в составе первого секретаря райкома, председателя райисполкома и начальника райотдела НКВД [8, 88]. На маршрутах движения эвакуируемых должны быть организованы санитарно-контрольные пункты из местных медработников. Поскольку на переходе беженцы находились в сфере действия не только вражеской авиации, но зачастую и артиллерии, предписывалось «...двигаться рассредоточено, небольшими группами, места для стоянок выбирать в лесу, соблюдать маскировку и не разводите костры в ночное время» [5, 53]. Важно было, помимо заботы о безопасности людей, обеспечить скрытность эвакуации, так как вывод населения из прифронтовой зоны являлся настораживающим фактом для германского командования. Местным органам Советской власти настоятельно рекомендовалось «разъяснить населению, что граждане, самовольно возвратившиеся в отселённую зону, будут задерживаться военными властями и предаваться суду военного трибунала» [5, 53].

В мае 1944 г. меры по отселению гражданских лиц из примыкавшей к переднему краю 25-километровой зоны осуществлялись на всех 10 советских фронтах, действовавших на пространстве от Финского залива до

Чёрного моря. Особенностью данного, 2-го, этапа эвакуации населения в 1944 г. являлось активное участие в соответствующих мероприятиях, наряду с местными властями и армейскими тыловыми органами, войск Главного управления НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии, находившихся в оперативном подчинении командования фронтов [3, 150]. Тем не менее, по данным наркома внутренних дел СССР Берия, только на двух фронтах (2-м Прибалтийском и 3-м Белорусском) смогли уложиться в жёсткие сроки (до 25 мая) эвакуации мирных граждан. В 25-километровой полосе других фронтов, в том числе и оперировавших в Беларуси 1-м Прибалтийском, 1-м и 2-м Белорусских, отселение продолжалось и в июне 1944 г. [4, 47–48].

К сожалению, во время проведения эвакуационной кампании в Беларуси не обошлось без случаев мародёрства со стороны военнослужащих, об одном из которых Л. П. Берия счёл нужным сообщить лично И. В. Сталину. Речь идёт об инциденте, произошедшем в ночь на 18 мая 1944 г. в деревне Петровка Климовичского района Могилёвской области. Трое военнослужащих 153-й стрелковой дивизии (49-я армия 2-го Белорусского фронта), представившись работниками НКВД, прибывшими для организации эвакуации, под предлогом изъятия «лишних» при перевозке вещей произвели обыск в домах, ограбив 6 крестьянских семей. При возвращении в свою часть мародёры вместе с подводой с награбленным добром (одеждой и продовольствием) были задержаны действительным нарядом войск НКВД. «Преступники арестованы и получили по заслугам» – докладывал Берия Сталину [3, 204–205].

3-му Белорусскому фронту, доложившему о завершении эвакуации населения уже 21 мая 1944 г., в силу непредвиденных обстоятельств войны пришлось и в дальнейшем проводить соответствующую работу. Утром 3 июня 1944 г. разведчики 159-й стрелковой дивизии 5-й армии фронта установили, что немцы оставили тактически невыгодный для обороны рубеж в районе деревень Черкасы, Марьяново, Крюково, Шведы, Казимирово, Шалемино на границе Витебской и Смоленской областей и отошли на несколько километров на запад. При уточнении новой линии обороны противника разведчики обнаружили концлагерь. Он был создан по приказу командования 3-й германской танковой армии около деревень Казимирово и Шалемино. В этот лагерь оккупанты вывозили жителей Витебска, а также Витебской, Смоленской, Орловской и Курской областей, угнанных во время отступления немецких войск. Всего в лагере на момент освобождения находилось 5862 человека, из них около 3,5 тыс. детей. Остальные узники – в основном женщины, старики, инвалиды. Все они были истощены и обессилены от голода, болезней и бесчеловечного обращения гитлеровцев. Военный совет 5-й армии принял меры по оказанию медицинской и материальной помощи освобождённым узникам и их отправке в тыл. 5617

человек получили 5-суточный продпаёк на дорогу и на армейском транспорте 5 и 6 июня были эвакуированы в Износковский и Тёмкинский районы Смоленской области. 220 больных и 25 раненых разместились в санучреждениях армии [6, 64–66].

По информации Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии, отселение гражданского населения из 25-километровой прифронтовой зоны было закончено к 21 июня 1944 г. Из полосы 10 фронтов эвакуировано 1674618 человек, в том числе из полосы оперировавших в Беларуси 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов – 543302 человека [3, 265]. Эвакуированные граждане, в отличие от 1941 г., перемещались на относительно небольшие расстояния. Например, жители Полесской области разместились в её же центральных, южных и восточных районах [8, 80–82].

Решение Ставки ВГК об эвакуации граждан из прилегавшей к фронту 25-километровой зоны вызвало, судя по мемуарам бывшего первого секретаря Могилёвского обкома Компартии Беларуси И. Н. Макарова, довольно неоднозначную реакцию среди партийно-советского актива освобождённых районов БССР. По мнению ряда руководителей, «это приводило к тому, что на значительной освобождённой территории нельзя было вести работу по восстановлению органов сельского хозяйства, проводить восстановление колхозов и организовывать сельские Советы». И. Н. Макаров и секретарь ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович обратились к командующему 2-м Белорусским фронтом генерал-полковнику И. Е. Петрову с просьбой разрешить, в виде исключения, Могилёвскому обкому партии продолжить работу в зоне отселения. Петров не возражал, но требовалось также согласие члена Военного совета фронта Л. З. Мехлиса, категорически отказавшегося пойти навстречу белорусским партработникам. За разрешением работать в зоне эвакуации пришлось обращаться в Москву, и через некоторое время заместитель начальника Генштаба генерал армии А. И. Антонов сообщил, что Сталин решил удовлетворить просьбу Могилёвского обкома [9, 135–136].

Вполне вероятно, что аналогичные разрешения «по инерции» были распространены и на другие регионы БССР, что косвенно подтверждается содержанием письма командования в/ч 37786 НКВД СССР, направленного 18 июня 1944 г. в адрес Полесских обкома КП(б)Б и облисполкома. В этом письме командование части, отвечавшей за охрану прифронтовой полосы в ряде районов Полесской области, сообщало, что «...за последнее время участились случаи массового просачивания выселенного гражданского населения в запретную зону», что происходит «...с разрешения райисполкомов под видом всякого рода полевых работ». Выдача соответствующих справок носит «беспорядочный характер». Такое положение может создать условия для действий вражеской агентуры и бандитских групп и нанести материальный ущерб отселённым населённым пунктам». В завершение

письма звучит настоятельная просьба дать указания райкомам, райисполкомам и сельсоветам «...прекратить выдачу справок и принять меры к срочному отселению возвратившегося населения» [5, 99]. Таким образом, имеются основания констатировать конфликт интересов в ряде районов Беларуси между командованием войск НКВД и местными властями. Смелость последних в отправке людей на сельхозработы в 25-километровую зону эвакуации подводит к выводу, что данные действия были санкционированы «сверху». Следует указать, что в прифронтовой полосе появлялись не только граждане со «справками», но и лица, согласно формулировке органов НКВД, «незаконно возвратившиеся в полосу отселения». Таковые на территории Беларуси задерживались вплоть до июля 1944 г. [10, 391].

23–24 июня 1944 г. Красная Армия начала в Беларуси наступательную операцию «Багратион». Достижение советским командованием внезапности, эффективное использование превосходства в силах и средствах, наступательный порыв красноармейцев, активное содействие белорусских партизан уже к началу июля привели к решительным результатам. Оборона врага рухнула, было окружено и уничтожено несколько группировок немецких войск. К концу августа 1944 г. советские войска очистили от врага всю территорию Беларуси, значительную часть Литвы и восточные районы Польши [11, 71–74]. Эвакуированным гражданам разрешалось возвращаться в места постоянного проживания. Военные коменданты отселённых пунктов обязывались сдать местным органам власти принятое от них по актам имущество, жилые и нежилые постройки. Части войск НКВД по охране тыла должны были «подвергать тщательной проверке вселяющихся в бывшую запретную зону» [5, 101]. Правительство БССР организовало в июле 1944 г. в Минске, Орше, Барановичах и Лунинце пункты по обеспечению питания, медицинского обслуживания и проезда возвращающихся к местам постоянного жительства граждан [12, 121].

Литература

1. Тимохович, И. В. Битва за Белоруссию: 1941–1944 / И. В. Тимохович. – Минск: Беларусь, 1994.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Фонд р-9401 сч. – Оп. 2. – Д. 64.
3. ГАРФ. Фонд р-9401 сч. – Оп. 2. – Д. 65.
4. Сугако, Л. А. Эвакуация советским командованием населения прифронтовых районов БССР в период подготовки наступательной операции «Багратион» (февраль – июнь 1944 г.) / Л. А. Сугако // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников МГУ им. А. А. Кулешова по итогам научно-исследовательской работы в 2010 г. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011.